

УДК 323.22(470+571):004.738.5:316.334.3

Р.Э. Бараш
ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ
САМООРГАНИЗАЦИИ

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com.

В статье Р.Бараш пытается ответить на вопрос о том, возможно ли развертывание в России сценария Facebook-революции, а также анализирует роль в развитии протестного движения в России социальных сетей и Интернета. Кроме того, в рамках работы автор аргументирует тезис о росте вовлеченности в протест молодежи, причем из-за неприятия последней стиля управления российской власти и желания быть услышанными и представленными, несмотря на численное меньшинство.

Ключевые слова: Интернет, молодежь, оппозиция, протесты, социальные сети, Facebook-революции.

Так называемая «жасминовая революция», разгоревшаяся после самоубийства тунисского торговца фруктами Мохаммеда Буазизи, через несколько дней перекинулась на Египет, Ливию, Йемен и Сирию, а главными ретрансляторами революционных идей стали Facebook и Twitter (дополнительным свидетельством этого является одновременное со вводом в столицу войск отключение Интернета, при помощи которого протестующие координировали свои действия). И хотя сегодня пресса, телевидение, финансовые факторы определяют, будут ли протесты или их подавление показаны по телевидению или освещены в газетах, тем не менее, где бы эти события ни происходили, есть гарантия того, что они будут переданы через Twitter, Facebook, YouTube. Впрочем, безусловно, преувеличением было бы списывать ближневосточные революции исключительно на Интернет. Интернет-революции возможны лишь в тех государствах, где количество Интернет-пользователей **достигло такого уровня, что они осознали себя особым сообществом и сумели договориться между собой на горизонтальном уровне, минуя традиционных лидеров.** Арабские революции стали скорее **социально-демографическими революциями**, тогда как Интернет стал все же не только одним из средств, но и фактором событий, одной из причин того, что социально-структурные предпосылки достаточно быстро перешли в общественно-политическую плоскость.

© Бараш Р. Э., 2012

Когда общество созревает, каналы передачи информации формируются сами. Интернет, конечно, очень облегчает этот процесс, но это инструмент, средство, а не движущая сила революции. Столь значимой роль Интернета в ближневосточных событиях оказалась потому, что в ходе событий фиксировались и ретранслировались именно жертвы.

Если говорить о результативности акций «Белого движения», то роль социальных сетей в них сложно переоценить, потому что митинговая активность фактически изменила медийную среду политики. Из эпохи телевизионной демократии произошел постепенный переход в интерактивное состояние, теперь в соцсетях отражаются не только **поводы для негодования и самоорганизуется выплеск этого недовольства, но и создаются каналы выражения негодования в обществе.** На основании наблюдения за активностью пользователей **рунета** (русскоязычного сегмента Интернета) можно говорить, что в интерактивном пространстве уровень гражданского и политического участия в России находится на подъеме, о чем наиболее заметно свидетельствуют последние массовые акции протеста **против фальсификации выборов 2011 г.** в Думу и, ранее, протест против Газпром-башни в Санкт-Петербурге, волонтерское движение по тушению лесных пожаров летом 2010 г., движение автомобилистов (особенно активизировавшееся после «дела «Мерседеса» Лукойла/Баркова», когда Noize MC посвятил этому инциденту песню «Мерседес S-666», и видео за несколько дней набрало 600 тысяч просмотров, сделав тему одной из самых популярных в русской блогосфере), движение защитников Химкинского леса, борьба с коррупцией А. Навального, презентация результатов такой борьбы через сайт роспил.ру, наконец, **движение наблюдателей, сформировавшееся для контроля за ходом президентских выборов 2012 г.**

Революционные идеалисты — от теории к практике

«Выборный сезон» 2011–2012 гг. в России стал для политической жизни знаковым и во многом **переломным** — в том смысле, что он не только пробудил **широкое протестное движение**, но и остро проблематизировал **вопрос о ценностно-идейном единстве российского общества.** Протестные акции, вспыхнув так внезапно и ярко после выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г., достигли максимума численности в 102 тыс. на проспекте Сахарова⁴. И несмотря на то что идейной консолидации лагеря оппозиции достичь так и не смогли, «Болотное движение» в своем внутреннем развитии пришло к значимым выводам: с одной стороны, многие из тех, кто вышел на улицу продемонстрировали, практически по Марксу, что в крупных городах сложились **креативные производительные силы, не вписывающиеся в производственные отношения корпоративного распределения;** с другой — в сознании многих активных участников «Белого движения» произошел феноменологический переворот: они вдруг осознали, что в прямом смысле находятся **«в тени молчаливого большинства».** И, если в теории Р. Флориды креативный класс определялся через репрезентацию трех «Т»: **технологий, талантов и толерантности,** — то российская практика скорее фиксировала в качестве креативного городское образовательное сословие, яро протестующее против жизни по принципу отодвижения их от принятия решения о будущем страны. Во всяком случае каких-то четких видовых социальных признаков протестующих, отличающих их от прочих сограждан пока зафиксировать не удалось — пока

⁴ По данным «Новой газеты» (<http://www.novayagazeta.ru/society/50265.html>), значимой была также численность митинга на Болотной площади, куда вышло около 50 тыс. чел (усредненный показатель между 85 тыс. чел., по данным организаторов, и 25 тыс. чел., по данным ГУВД Москвы).

противопоставление скорее количественное, а не качественное; дальше тезиса о думающем меньшинстве и пассивном/согласном большинстве социологи не выходят.

При всех дискуссиях о протестной мотивации непреложным оставался факт ее **глубокой идейной обоснованности**. Ведь для каждого из трех условных периодов протеста были характерны свои лозунги и требования: от требований перевыборов в ГосДуму через попытки легитимными средствами предотвратить переизбрание В.В. Путина в президенты протестное движение к маю-июню 2012 г. перешло к лозунгам о необходимости полной смены власти. В этом смысле российский протест во многом был подобен настроениям европейских интеллектуалов в 1960–1970-е гг., когда одной из центральных тем интеллектуальных дискуссий была **борьба с идейным тоталитаризмом власти** (что отразилось в «Одномерном человеке» Г. Маркузе, «Анти-Эдипе» М. Фуко, работе «Сад, Фурье, Лойола» Р. Барта, в это время активное развитие находит концепция инаковости Э. Левинаса). В современной России в действиях А. Навального в рамках проектов «Роспил» и «Росяма», например, угадываются черты провозглашенной М. Фуко концепции «власти-знания», требующей необходимости **взлома сетей институциональной информации**, обозначение конкретных пороков какого-то «очага власти, одного из тех бесчисленных мелких очагов, каковым может оказаться какой-нибудь мелкий начальник, привратник в муниципальном доме, начальник тюрьмы, судья, работник профсоюза, главный редактор журнала» [7]. «Хождение народа во власть», вроде выдвижения в мэры Омска блоггера И. Варламова, избрание в муниципальные кандидаты района Щукино блоггера М. Каца — развертывание заявленного Ж. Делезом **сценария свободной игры**, разрушающей централизованный порядок власти (понимаемой в первую очередь как иерархия) [2]. Наконец столь бурный протест против принятия поправок в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» есть зримый ответ на поставленный Ж. Бодрийяром вопрос о том, в чем же состоит **собственная воля человека** [1].

В снятом виде можно в первую очередь констатировать серьезные постматериальные, этические и даже эстетические, а вовсе не экономические претензии протестующих к власти. То, что попытка прорыва оцепления 6 мая митингующими не была массовой, а июньский «Марш миллионов» в принципе обошелся без стычек митингующих с полицией, позволяет говорить о том, что протестующие не стремятся к радикальной смене власти, но требуют учитывать их мнение. И в этой связи нельзя не вспомнить статью Р. Нозика с говорящим названием «Почему интеллектуалам не нравится капитализм?», где он пишет о принципиальной оппозиционности к власти так называемых «кузнецов слов» [5]. Причисляя к последним поэтов, писателей, литературных критиков, журналистов, преподавателей, Р. Нозик отмечал, что именно они определяют господствующие в обществе идеи, придумывают политические сценарии для госаппарата, предоставляя фразеологию для общественного самовыражения. В целом такие «кузнецы слов» «живут в условиях капиталистического общества совсем не плохо: они могут совершенно свободно формулировать, передавать и пропагандировать новые идеи, знакомиться с ними и обсуждать их. Их профессии востребованы, а доходы превышают средний уровень». Но когда представители такой прослойки ощущают снижение своего статуса или понимают, что они обделены тем, что считают своим по праву, они склонны к неприятию социальной системы в целом и демонстрации враждебности к ее нормам. В зимний политический сезон российские «кузнецы слов» столкнулись с проблемой своей, как минимум, символической представленности в политике.

Комментируя обозначившийся в протестный сезон в российском обществе идейный раскол, многие ссылались на то, что **на Болотную и Поклонную собрались представители партии Интернета и партии телевидения соответственно**. Во многом это действительно так: в том смысле, что Интернет, а скорее даже социальные сети на сегодняшний день являются не только **наиболее эффективным механизмом мобилизации**, но и во многом единственным реально действующим **инструментом горизонтальных связей в социуме**.

Поэтому сегодня можно поставить вопрос о том, как **сетевая публичная сфера опосредует, вызывает коллективные действия**. На сегодняшний день развития «арабского сценария» как протеста, в значительной степени гальванизированного Интернет-технологиями, ждать нельзя. И об этом ярко свидетельствует тот факт, что оппозиция так и не смогла консолидироваться. Тем не менее сегодня можно говорить о том, и это подтверждает социологическое исследование ИС РАН, проведенное при поддержке Фонда Эберта [6], что **четко фиксируется ценностное разделение российского социума**, причем специфика такой неоднородности в очень значительной степени зависит от пользования Интернетом.

Как зафиксировал опрос ИС РАН, существует прямая корреляция между интенсивностью Интернет-пользования и либеральностью взглядов респондентов: среди тех, кто ежедневно пользуется Интернетом, почти на четверть меньше доля тех, кто полагает **индивидуализм и либерализм вредным для России**, среди тех, кто Интернетом не пользуется вообще, таких почти на 20% больше. Точно также среди пользователей Интернета почти на четверть меньше **сторонников возможности для правительства прямого влияния на правосудие**. Одновременно среди пользователей Интернета на 15% меньше тех, кто полагает **возможным ограничение свободы прессы, если она нарушает интересы государства**. Наконец для активных пользователей Интернета демократия — это политические права, для прочих демократия — это экономическое равенство.

Тоже различие во взглядах тех, кто пользуется Интернетом, и тех, кто делает это крайне нерегулярно или вообще не делает, проявляется и по вопросу о необходимости для России **демократического строя или, напротив, твердой руки**. Активные Интернет-пользователи заметно либеральнее тех, кто не пользуется им — среди них на почти на 20% ниже доля сторонников сильной руки (59 против 74% не пользующихся и 83% пользующихся Интернетом редко). Одновременно среди пользователей Интернета почти на четверть больше доля тех, кто считает, что без свободы жизнь теряет смысл, и вдвое меньше тех, кто полагает, что главное в жизни — это **материальное благополучие** (25% против 49%). При этом **по сравнению с 1998 г. сегодня практически не изменилось соотношение сторонников твердой руки и демократического пути для России, как и 12 лет назад демократов в стране почти вдвое меньше поклонников «ручного управления» (36 против 64%)**. Одновременно на том же уровне осталось соотношение материалистов и свободолюбивых идеалистов.

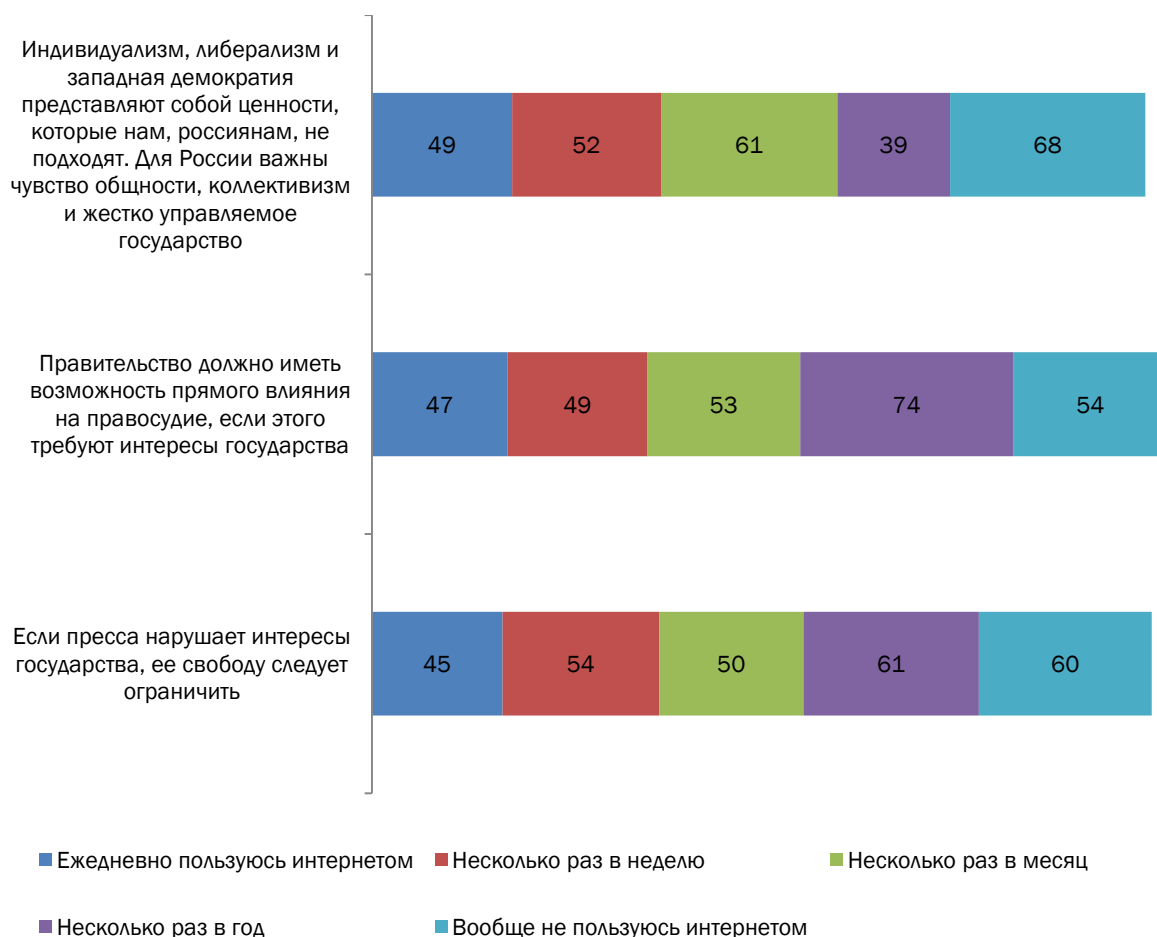

Рисунок 1 - Скажите, с какими из этих высказываний Вы согласны, а с какими нет?
(в группах респондентов с разной частотой пользования Интернетом)

И подобная стабильность соотношения в обществе консерваторов и реформаторов во многом свидетельствует о том, что за годы путинского правления, а также **медведевского периода в России не сформировалась критическая масса недовольства**. Скорее можно говорить о том, что за годы медведевской оттепели критическое меньшинство, возможно, уверилось в возможности **влиять на политику силой лозунга и митинга и вышло на улицу**. Более того, у многих возникло ощущение, что принцип «существовать — значит быть воспринимаемым» властью, возможность высказаться является такой же жизненно необходимой, витальной потребностью. При этом, как свидетельствуют цифры, рост такой протестной активности был интенсивным, а не экстенсивным: с 2004 г. доля активных борцов не изменилась (сегодня, как и 8 лет назад, отстаивать свои интересы, а не приспособливаться к реальности готовы 62% респондентов).

От голодного бунта к перформансу

Если в 2004 г. митинги были скорее бунтом пенсионеров и льготников, а молодежь активно не подключалась к фронде, то для политической оттепели 2011–2012 гг., напротив, был характерен **активный рост интереса со стороны молодежи**, причем материально

обеспеченной. Как зафиксировал опрос, чаще других о необходимости бороться за свои права заявляют россияне в возрасте 16–25 лет (66%), а также представители среднего класса (о готовности борьбы за свои интересы заявили 71% тех, кто оценили свое материальное положение как хорошее). Это наиболее образованные (с двумя высшими образованиями и ученой степенью) (57%), хорошо материально обеспеченные (43%) граждане до 45 лет (36–40%), причем большинство из них на прошедших президентских выборах голосовали за М. Прохорова (55%).

Данная группа не всегда готова к радикальной борьбе за свои идеалы, и значительную часть своей протестной активности они направляют именно на символическую борьбу. Но именно эта часть условного «Белого движения» наиболее активно пользуются Интернетом, и именно в данной группе в контексте политической оттепели 2011–2012 гг. в России родилась и проявила себя так называемая **карнавальная культура, обозначенная М. Бахтиным**. Сопровождавшие митинги состязания в креативности лозунгов, затейливые одеяния некоторых участников «Болотной» и «Сахарова» стали подлинным карнавалом в смысле праздника развития гражданского общества как оппозиция официальным митингам в стиле Поклонной горы. Фотокадры с Болотной площади, зимнего Проспекта Сахарова или акции «Белый круг» фиксируют, насколько велика была именно «смеховая», отчасти сатирическая составляющая протеста. И учитывая столь высокую популярность у представителей данного либерального лагеря оппозиции новосозданного лидера М. Прохорова, а также бесконечные метания праволиберальной оппозиции по вопросу лидера, в очередной раз можно повторить тезис о том, что **серьезной политической составляющей в протесте креативного класса не было (в отличие от «леваков»)**. В большей степени представители того самого креативного класса ратовали именно за ценности — **свободу, человеческое достоинство, освобождение от рабского поведения**. И Интернет для данного кластера протестующих является естественной средой обитания.

Но так ли многочисленна сегодня эта, ориентированная на Интернет группа? Хотя в апреле Интернет-портал «Яндекс» обогнал по численности ежедневной аудитории Первый канал [9], в национальном масштабе распространенность Интернета в России является средней — по данным исследования ИС РАН, в 2012 г. доля активных пользователей Интернета составила 49%, причем значительная часть активных пользователей не являются блоггерами и не участвуют активно в социальной самоорганизации через Интернет. Тем не менее пока Рунет остается **элитарной и стратифицированной средой**, в которой доминируют городские и образованные пользователи, с большим разрывом между крупными городами и пригородными районами. При этом, по данным Комскор, **доля активных пользователей Интернета**, которые постоянно пользуются блогами и социальными сетями, в России **выше, чем в США**. К тому же те, кто используют сайты социальных сетей, гораздо больше вовлечены в это, чем пользователи в других странах [10].

Тем не менее **широкий доступ к Интернету или, если быть более точной, вовлеченность в социальные сети россиян весьма низка**. Как следует из широко цитируемого англоязычного исследования по воздействию Интернета на гражданское общество в России «Рвущаяся паутина» (Флориана Фоссато, Джона Ллойда и Александра Верховского), **качественный уровень обсуждений в Интернете низок, и широко распространенное отсутствие доверия умело используется властями в своих целях; сетевые сообщества в целом кажутся довольно замкнутыми и нетерпимыми, лидеры Интернет-сайтов часто могут быть подкуплены,**

скомпроментированы или запуганы, и российские пользователи Интернета, по-видимому, неактивно реагируют на политические кампании в Интернете.

На сегодняшний день Интернет в целом и социальные сети в частности, несмотря на то что Россия в лучшем случае является страной с **хрупкой выборной демократией**, или, как утверждают некоторые, представляет собой новый тип гибридного режима, который можно назвать **«выборным авторитаризмом»** с характерным контролем за СМИ, продолжают оставаться относительно свободными. Учитывая, что Федеральное телевидение достаточно серьезно контролируется (в качестве примера можно привести то, что акции протеста против фальсификации выборов телевидение почти неделю игнорировало, они получили освещение, став одной из наиболее популярных тем обсуждения в Интернете), другим средствам массовой информации предоставлено больше независимости и свободы в выборе тем для статей и репортажей. Надо отметить и то, что в отличие от Китая и Ирана, применяющих технические системы фильтрации Интернет-контента, по данным Инициативы «Открытые сети» (ONI), **Россия не участвует в технической фильтрации «первого поколения» Интернет-контента.**

Однако и эти тенденции усилились в контексте «арабской весны», предпринимались попытки косвенного контроля и даже формирования дискурса онлайн-пространства в **желаемом направлении при помощи платных блоггеров (хакер-группой «Анонимус» было опубликовано содержание почты Василия Якименко и Кристины Потупчик, свидетельствующее о том, что «команда Суркова» стояла за рядом самых больших ДДОС-атак (против сайта «Коммерсанта»), участвовала в подкупе топовых (наиболее популярных) блоггеров и даже организации избиения журналиста и блоггера Кашина. Как тенденции ограничения Интернета многие расценивают требования ФСБ предоставить доступ к любому контенту и всему содержимому в Интернете, а также широко трактуемый закон о разжигании национальной розни, позволяющий судам закрывать отдельные веб-сайты или блоги, которые способствуют экстремизму.** Тем не менее в России отсутствует практика уголовного преследования блоггеров.

Такое внимание власти к Интернету вполне объяснимо, выходя за рамки обмена информацией в Интернете, онлайн-общение способствует формированию гражданских и политических структур, участвующих в коллективных действиях. Простота и низкие расходы на организацию онлайн помогает социальным и политическим группам оперативно объединять пользователей. В России, где возможности для формального участия в политической жизни не вполне открыты, Интернет-движения могут предложить участие в решении конкретных осязаемых проблем. А при крайне низкой популярности у россиян формальных механизмов политического участия (партий, профсоюзов и пр.) и высочайшей привлекательности креативной карнавальной культуры, тиражировавшей участниками протестных митингов зимы 2011/2012 г., можно ожидать дальнейшего расширения востребованности критических взглядов и оценок действий властей.

Учитывая столь значимую составляющую в протестной коммуникации новых медиа и коммуникационных технологий, логично предположить все возрастающую представленность в протестном движении молодежи как страты, черпающей информацию о реальности только из электронных ресурсов. Уже сегодня, как фиксируют данные TNS Web Index, преимущественной аудиторией социальных сетей продолжает оставаться молодежь. В 2012 г., по данным TNS Web Index, 72% аудитории социальной сети Вконтакте составили молодые люди до 35 лет, Facebook используют 70% россиян в возрасте от 12 до 35 лет, распространенность Tweeter среди такой возрастной группы составляет 70%.

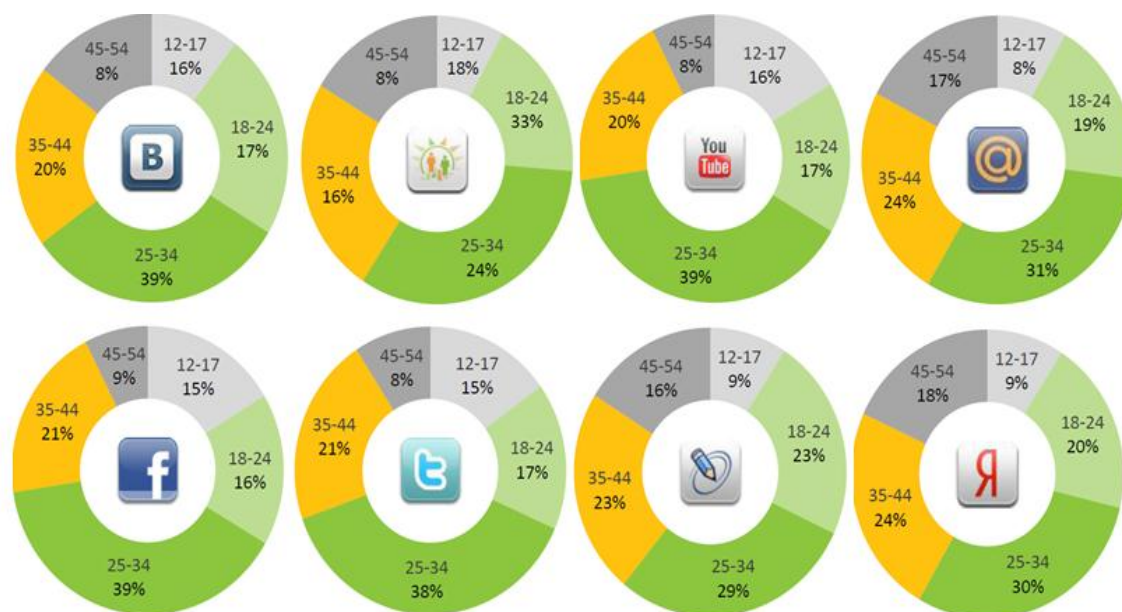

Рисунок 2 – Аудитория социальных сетей

«Молодежной составляющей» протеста добавит и то, что протестующие молодые люди в прямом смысле этого слова живут сегодняшним днем, в том смысле, что они не воспринимают «путинскую стабильность» как серьезную ценность, поскольку в лихие девяностые были детьми и подростками. Поэтому, кстати, предложенная в названии одного из материалов «Die Welt» идея о том, что **«дети перестройки не хотят нового Брежнева»** не вполне применима — многие участники протестного движения слишком молоды, чтобы помнить период брежневского застоя. Скорее справедливы слова С. Доренко о, в том числе, поколенческом измерении протеста: «...молодые, пришедшие [на Болотную], абсолютно четко ощутили то, что они — запечатое поколение... 30-летние чувствуют, что их умерщвляют, что их хотят лишить перспектив развития те, кто им, молодым, эстетически чужд, потому что они — такие пиджачники, не умеют коммуницировать, живут в Фейсбуке» [8].

Уже сегодня о значительном вкладе сил молодежи в протест свидетельствуют результаты пилотажного исследования протестного сообщества #ОккупайАбай, проведенного 11 мая О. Крыштановской на Чистопрудном бульваре. При том что опрошено было всего 112 человек, исследование зафиксировало, что ядро участников лагеря — молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет (45% опрошенных), 35% протестного сообщества #ОккупайАбай — учащиеся, 45% — специалисты (программисты, переводчики, юристы, менеджеры, банковские служащие, ученые и преподаватели вузов), тогда как пенсионеры составили не более 3% [4].

При том что сегодня нет точных данных не только о численности протестных митингов, но и об их социальной и возрастной структуре, интерес молодежи к протесту очевиден. Об этом свидетельствует и то, что формальными лидерами протеста являются люди относительно молодые — С. Удальцов (35 лет), А. Навальный (36 лет), И. Пономарев (36 лет), К. Собчак (30 лет), О. Яшин (28 лет), и активное участие молодежи в разного рода акциях политической (участие в выборах в Мосгордуму В. Кичановой (21 год), М. Каца (27 лет) и околополитической направленности (группа «Pussy Rights», участницам которой 22–24 года). О явном

поколенческом профиле нынешнего протеста говорит Г. Павловский, отмечая, что происходящее является не столько протестом против конкретных событий, сколько неприятием новым поколением образа жизни, диктуемого властью: «...они интересуются лекциями, современным театром, современным искусством, свободно перемещаются по миру» [3].

Безусловно, Интернет-коммуникации являются формой самоорганизации, тогда как содержание виртуального взаимодействия и общения может быть многообразным — от спортивной до экологической или культурологической (защита памятников, исторической застройки, контроль качества проведения ЕГЭ). Отсутствие у различных лагерей протеста конструктивной объединяющей социально-политической платформы (требования ухода «коллективного Путина» не в счет) и единого лидера пока не дает оснований для преувеличения значимости Интернета как механизма идеологической пропаганды. Того, что в России волна революционной активности выльется из Интернет-пространства на улицы, ожидать не приходится. Тем не менее его всеохватность и доступность различным аудиториям результирует в то, что на сегодняшний день Интернет-сообщества являются, пожалуй, единственным действующим механизмом горизонтальной самоорганизации. Учитывая рост вовлеченности в протест молодежи, партия Интернета будет не только расти, но и в большей степени замыкаться на саму себя. И в ситуации наблюдающейся сегодня тенденции ценностной либерализации посредством Интернета можно ожидать противостояния не идейно передового меньшинства и абстрактного большинства, а партии Интернета и власти, стремящейся — пока косвенно — организовать самоорганизующееся Интернет-пространство. И именно контроль над сферой самоактуализации, а не обыски у условных лидеров оппозиции или аресты рядовых протестующих могут взорвать группу протеста.

Литература

- 1 Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М. : Добросвет, 2000.
- 2 Делез Ж. Платон и симулякр // Библиотека Гумер – Философия : [веб-сайт]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php.
- 3 Дятликович В., Мартемьянов М. Дети улиц. // Русский репортер : [веб-сайт]. URL: <http://rusrep.ru/article/2012/06/13/protest>.
- 4 Крыштановская О. Результаты пилотажного исследования протестного сообщества #ОккупайАбай. URL: http://www.facebook.com/notes/ольга-крыштановская/исследование-оккупайабай/396325813739900?notif_t=note_reply.
- 5 Нозик Р. Почему интеллектуалам не нравится капитализм? // inLiberty = Свободная среда : [веб-сайт]. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/3503/>.
- 6 О чем мечтают россияне : (размышления социологов) : аналит. доклад : подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Рос. Федерации : (Москва – 2012) // Институт социологии Российской академии наук : [веб-сайт]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html.
- 7 Фуко М. Интеллектуалы и власть : избр. полит. статьи, выступления и интервью. М. : URSS, 2002.

- 8 Цветкова Р., Дерябин А. Интеллектуалы в гостях у Суркова // Независимая газета : [веб-сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-12-12/1_surkov.html.
- 9 «Яндекс» обошел Первый канал по популярности // BBC. Русская служба : [веб-сайт]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/05/120525_yandex_audience_tv_channel1.shtml.
- 10 Russia has World's Most Engaged Social Networking Audience // comScore : [веб-сайт]. 2009. July 2. URL: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases/2009/7/Russia_has_World_s_Most_Engaged_Social_Networking_Audience.